

Чайлд М.

**Травмай номер
8, который все
ПОМНИТ**

Чайлд М.

**Травмай номер 8,
который все помнит**

«Автор»

2026

М. Ч.

Травмай номер 8, который все помнит / Ч. М. — «Автор», 2026

В маленьком городе живёт старый трамвай номер восемь. Он умеет говорить и помнит всех, кто когда-либо ехал в нём. Когда трамвай собираются отправить на свалку, двое детей — Артём и Соня — решают его спасти. Они собирают подписи, находят старые письма, открывают подземный музей и доказывают взрослым: память — это самое важное, что у нас есть. Эта книга о дружбе, смелости и о том, что даже маленький человек может совершить большое чудо.

© М. Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трамвай, который помнит всех	5
Глава 2. Подписи, истории и старое одеяло	14
Глава 3. Дом для трамвая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Чайлд М.

Травмай номер 8, который все помнит

Глава 1. Трамвай, который помнит всех

В городе, где дома пахли старым кирпичом и свежей выпечкой, а трамвайные рельсы блестели, как две серебряные нити, протянутые сквозь время, жил-был трамвай номер восемь. Он был не просто трамваем. Он был хранителем. Хранителем тысяч историй, миллиона улыбок, сотен тысяч вздохов и бесчисленного количества шагов, которые когда-либо ступали на его деревянные, чуть скрипучие подножки.

Каждое утро, когда солнце только начинало золотить крыши, трамвай выезжал из депо, и его фары светились мягким, тёплым светом. Он был старый, очень старый. Его красная краска местами облупилась, обнажая тёмный, благородный металл, который помнил прикосновения рук ещё до войны. Деревянные сиденья внутри были отполированы до блеска тысячами пар брюк и юбок, а медные поручни сияли, как золото, потому что их каждый день протирали заботливые руки вагоновожатых.

Но самым удивительным было не его тело. Самым удивительным был его голос.

Трамвай номер восемь умел разговаривать.

Не громко, не навязчиво, а тихо, словно шелест листвы под колесами. Он говорил только с теми, кто умел слушать. А слушать умеют, как известно, только дети и очень старые люди, которые уже почти разучились спешить.

В то утро, с которого начинается наша история, был обычный вторник. Пахло весной — мокрым асфальтом, первой травой и чем-то неуловимо свежим, что витает в воздухе, когда зима окончательно сдаётся. Восьмой трамвай, позвякивая, катился по своему маршруту. Он ехал от старого парка, где росли вековые липы, мимо рынка, где торговки продавали яблоки и солёные огурцы, через мост, под которым лениво текла река, и дальше — к новым кварталам, где дома были высокими и серыми, как скалы.

В вагоне было почти пусто. Только на переднем сиденье, у самого окна, сидел мальчик лет десяти. Его звали Артём. У него были рыжие волосы, которые торчали в разные стороны, как будто он только что снял шапку, и веснушки, рассыпанные по носу и щекам, как крошки хлеба. Артём ехал в школу. Он не любил школу, потому что там надо было сидеть смирно и слушать, как учительница рассказывает про древние цивилизации, которые давно исчезли. Но он любил дорогу. Особенно он любил этот трамвай.

Артём прижался лбом к холодному стеклу и смотрел, как мимо проплывают дома. Он думал о том, что сегодня контрольная по математике, и от этого ему становилось тоскливо. Он вздохнул и отвернулся от окна.

И тут он услышал.

— Не грусти, — сказал тихий голос. — Контрольная — это не конец света. Вот когда в тысяча девятьсот сорок третьем году бомба попала в соседний дом, вот это был конец света. А твоя контрольная... Она просто пройдёт. Как поезд.

Артём вздрогнул и оглянулся. В вагоне никого не было, кроме него. Кондукторша, тётя Валя, сидела в конце вагона и вязала носок, не обращая ни на кого внимания. Водитель был в своей кабине, отделённый от салона перегородкой.

— Кто здесь? — прошептал Артём, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Это я, — ответил голос. — Трамвай. Восьмой. Можно просто Восьмой, если тебе так удобнее.

Артём открыл рот, но не смог произнести ни слова. Он смотрел на медные поручни, на деревянные сиденья, на круглые лампочки под потолком. Они не двигались. Они не могли говорить.

— Ты... ты умеешь говорить? — наконец выдавил он.

— Умею, — вздохнул трамвай. — Но не со всеми. Только с теми, кто не разучился слышать. Ты, я вижу, ещё не разучился. Хорошо. А то я уже начал думать, что остался совсем один.

Артём осторожно погладил деревянную спинку сиденья. Она была тёплой, как будто только что согрелась от чьего-то тела.

— А почему ты говоришь? — спросил он. — Ты же... железный.

— Железный, — согласился трамвай. — Но не только. Я помню всё. Всё, что здесь происходило. И мне есть что рассказать. Хочешь послушать?

Артём кивнул, забыв, что трамвай не может его видеть. Но трамвай, видимо, понял.

— Тогда слушай. Видишь вон ту девушку? — Артём посмотрел на улицу. По тротуару шла молодая женщина с коляской. — Она ездила на мне ещё маленькой девочкой. Каждое утро её мама везла её в детский сад. Она всегда садилась на это самое место, где ты сейчас сидишь. И всегда плакала, потому что не хотела расставаться с мамой. А мама гладила её по голове и говорила: «Не плачь, солнышко. Трамвай тебя покатает, и ты увидишь, что всё не так страшно». И знаешь, что? Она перестала плакать. Через месяц. Я помню, как она впервые улыбнулась, когда я проезжал мимо булочной, и запах свежих булок наполнил весь вагон. Она улыбнулась, и её мама улыбнулась. Это было... это было прекрасно.

Артём слушал, затаив дыхание. Ему казалось, что он попал в сказку. Но это была не сказка. Это была правда. Он чувствовал это всем своим существом.

— А кто ещё ездил на тебе? — спросил он.

— О, многие, — трамвай тихо засмеялся, и его смех был похож на звон колокольчика. — Видишь вон тот дом с балконом? Там жил старый часовщик. Он ездил на мне каждый день в свою мастерскую. Он всегда садился у окна и смотрел на часы. У него было много часов. И наручных, и карманных, и настенных. Он говорил, что время — это самое ценное, что у нас есть. А я думал: «Нет, самое ценное — это память. Потому что без памяти время теряет смысл».

Артём задумался. Он никогда раньше не думал о времени и памяти. Ему казалось, что это что-то взрослое и скучное. Но сейчас, слушая трамвай, он понял, что это важно.

— А ты помнишь войну? — спросил он.

Трамвай замолчал. На мгновение Артёму показалось, что он обидел его. Но потом трамвай заговорил снова, и его голос был тихим и печальным.

— Помню, — сказал он. — Тогда я был моложе. И город был другим. И люди были другими. Они боялись, но не показывали этого. Они голодали, но делились последним куском хлеба. Они теряли близких, но продолжали жить. Я возил их на работу, в госпиталь, на вокзал. Иногда я возил детей в эвакуацию. Они сидели на этих самых сиденьях и смотрели в окно. Они не плакали. Они просто смотрели. И я старался ехать как можно мягче, чтобы не потревожить их. Я хотел, чтобы им было хоть немного спокойнее.

Артём почувствовал, как к горлу подступил комок. Он представил этих детей — испуганных, голодных, но не плачущих. И он представил трамвай, который старался ехать мягче. Ему стало жалко и детей, и трамвай.

— А сейчас? — спросил он. — Сейчас ты помнишь всех?

— Всех, — ответил трамвай. — Каждого, кто когда-либо в меня садился. Я помню их лица, их голоса, их запахи. Я помню, кто смеялся, а кто плакал. Я помню, кто спешил, а кто ехал просто так, без цели. Я помню всё.

— И меня запомнишь? — спросил Артём.

— Конечно, — сказал трамвай. — Ты — мальчик с рыжими волосами и веснушками. Ты сидишь у окна и боишься контрольной по математике. Но ты не бойся. Ты справишься. Я в тебя верю.

Артём улыбнулся. Впервые за всё утро. И в этот момент трамвай остановился.

— Твоя остановка, — сказал он. — Школа. Иди. И помни: я всегда здесь. Если захочешь поговорить — просто садись и слушай. Я расскажу тебе много интересного.

Артём встал и пошёл к выходу. У двери он обернулся.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, — ответил трамвай. — Хорошего дня, Артём.

Артём вышел на улицу. Солнце светило ярко, и весенний ветер трепал его рыжие волосы. Он стоял на остановке и смотрел, как трамвай номер восемь медленно уезжает, позвякивая на рельсах. И ему казалось, что он только что вернулся из далёкого путешествия.

В школе он не мог сосредоточиться. Учительница рассказывала про Древний Египет, а Артём думал о трамвае. Он думал о старом часовщике, о девочке, которая плакала, а потом перестала, о детях, которых вывозили в эвакуацию. Он думал о том, что трамвай помнит всех. И ему казалось, что это очень важно.

После уроков он побежал на остановку. Ему не терпелось снова увидеть трамвай. Он ждал его, переминаясь с ноги на ногу, и когда знакомый красный вагон показался вдалеке, сердце Артёма забилось быстрее.

Он вскочил на подножку и сел на своё любимое место у окна.

— Привет, — сказал он тихо. — Это снова я.

— Я знаю, — ответил трамвай. — Я ждал тебя.

— Правда? — удивился Артём.

— Правда. Мне редко удаётся поговорить с кем-то. Большинство людей едут молча. Они смотрят в свои телефоны или в окно, но не слушают. А ты слушаешь. Это... это приятно.

Артём покраснел от удовольствия.

— А можно я буду приходить каждый день? — спросил он.

— Конечно, — сказал трамвай. — Я буду рад. Только...

Он замолчал.

— Что? — спросил Артём.

— Ничего, — ответил трамвай, но его голос звучал грустно. — Ничего. Просто... просто приходи. Хорошо?

— Хорошо, — согласился Артём. — Я приду.

Он не знал, что трамвай хотел сказать что-то важное, но не решился. Он не знал, что над трамваем нависла беда. Он не знал, что совсем скоро ему придётся бороться за своего нового друга.

Но пока он просто ехал, смотрел в окно и слушал истории. А трамвай говорил и говорил, и его голос был тёплым, как весеннее солнце.

На следующий день Артём пришёл снова. И ещё через день. И ещё. Он садился на своё место, и трамвай рассказывал ему о прошлом. О том, как в шестьдесят восьмом году здесь ездил целая свадьба — невеста в белом платье, жених в костюме, и все они пели песни. О том, как в семьдесят девятом году один мальчик забыл в вагоне портфель, а трамвай всю ночь волновался, потому что не мог вернуть его хозяину. О том, как в девяностые годы люди ездили с мешками картошки и банками варенья, и вагон пах чесноком и укропом.

Артём узнал, что трамвай помнит даже запахи. Он помнил запах духов одной женщины, которая ездил на нём каждый день в течение десяти лет. Он помнил запах мокрой шерсти от пальто, которые сушились у печки. Он помнил запах ёлки, которую везли из леса в канун Нового года. Он помнил всё.

Однажды Артём пришёл не один. С ним была девочка. Её звали Соня. У неё были тёмные волосы, заплетённые в две косички, и большие серые глаза, которые смотрели на мир с любопытством. Она была лучшей подругой Артёма, и он доверял ей все свои секреты. Но этот секрет был особенным.

— Ты уверен, что он заговорит? — прошептала Соня, когда они сели в трамвай.

— Уверен, — сказал Артём. — Просто слушай.

Они сидели молча. Трамвай ехал по своему маршруту, позвякивая на поворотах. Соня смотрела в окно и ничего не слышала. Она уже начала думать, что Артём её разыгрывает, когда вдруг раздался тихий голос.

— Здравствуй, Соня, — сказал трамвай. — Я рад познакомиться с тобой.

Соня вздрогнула и схватила Артёма за руку.

— Это он! — воскликнула она. — Это правда он!

— Тише, — засмеялся Артём. — Люди смотрят.

Соня прикрыла рот рукой, но её глаза сияли от восторга.

— Я не верю, — прошептала она. — Это... это чудо.

— Не чудо, — сказал трамвай. — Просто память. И немного желания поговорить. Я очень давно ни с кем не разговаривал. С тех пор, как умер старый часовщик. Он был последним, кто меня слышал.

— Часовщик? — переспросила Соня.

— Да, — сказал трамвай. — Он жил вон в том доме. Он приходил ко мне каждый вечер, садился на это самое место и говорил со мной. Он рассказывал мне о времени. О том, что оно никогда не останавливается. И о том, что память — это единственное, что может его остановить. Хотя бы на мгновение.

Соня слушала, затаив дыхание. Она была художницей. Она любила рисовать старые дома, старые деревья, старые вещи. Всё, что помнило время. И теперь она встретила того, кто помнил всё.

— А можно я тебя нарисую? — спросила она.

— Конечно, — ответил трамвай. — Я буду польщён.

Соня достала из рюкзака альбом и карандаши. Она начала рисовать. Она рисовала медные поручни, деревянные сиденья, круглые лампочки. Она рисовала всё, что видела. И трамвай наблюдал за ней. Ему нравилось, как она смотрит на мир — внимательно, бережно, как будто боится что-то пропустить.

— Знаешь, — сказал он тихо, — ты первая, кто рисует меня. За всю мою долгую жизнь. Люди фотографируют меня, но не рисуют. А рисунок — это совсем другое. Это не просто изображение. Это память о памяти.

Соня улыбнулась и продолжила рисовать.

Так началась их дружба. Артём и Соня приходили каждый день. Они садились на свои места, и трамвай рассказывал им истории. Он рассказывал о войне и мире, о любви и разлуке, о смехе и слезах. Он рассказывал о людях, которые давно ушли, но остались в его памяти. И дети слушали. Они слушали так, как не слушали никого и никогда.

Однажды, в конце мая, когда город утопал в зелени и сирени, Артём и Соня пришли на остановку, но трамвая не было. Они ждали час, два, три. Они смотрели на рельсы, но знакомый красный вагон не появлялся.

— Может, он сломался? — предположила Соня.

— Нет, — сказал Артём. — Он не может сломаться. Он же... он же живой.

Они пошли в депо. Это было большое серое здание с высокими воротами, из которых всегда тянуло запахом машинного масла и металла. Возле ворот стоял сторож — старик с седой бородой, который курил трубку и смотрел на небо.

— Здравствуйте, — сказал Артём. — А где трамвай номер восемь?

Старик посмотрел на него и покачал головой.

— Восьмой? — переспросил он. — А, этот старый? Его вчера увезли.

— Куда увезли? — спросил Артём, и его голос дрогнул.

— На свалку, — сказал старик. — Он старый, давно пора. На его место придут новые трамваи. Стеклянные, блестящие, с кондиционерами. А этот... этот своё отслужил.

Артём и Соня переглянулись. Их лица побледнели.

— На свалку? — прошептала Соня. — Но он же... он же не может...

— Может, — сказал старик. — Всё может. Такая жизнь. Старое уходит, новое приходит.

Ничего не поделаешь.

Артём стоял и смотрел на рельсы. Они уходили вдаль, в туман, и казались теперь пустыми и холодными. Он думал о трамвае. О его голосе. О его историях. О том, как он говорил: «Я всегда здесь». А теперь его не было. Его увезли на свалку. И никто не спросил. Никто не попрощался.

— Мы должны его спасти, — сказал Артём.

— Как? — спросила Соня.

— Не знаю, — ответил он. — Но мы должны. Он не просто трамвай. Он... он наш друг. И он помнит всех. Если его не станет, всё, что он помнит, исчезнет. Навсегда.

Соня кивнула. В её глазах стояли слёзы.

— Что будем делать? — спросила она.

Артём посмотрел на небо. Оно было синим и бесконечным, и где-то там, в этой бесконечности, всё ещё жил голос старого трамвая. Он помнил этот голос. И он не мог позволить ему исчезнуть.

— Мы придумаем, — сказал он. — Обязательно придумаем. Трамвай номер восемь не умрёт. Я обещаю.

И в этот момент, где-то далеко, на свалке, среди ржавых машин и битого кирпича, старый трамвай стоял и смотрел на небо. Он не знал, что двое детей помнят о нём. Он не знал, что они придут. Но он верил. Он верил, что память — это не просто прошлое. Это ещё и будущее. И он ждал. Он всегда ждал.

А впереди у Артёма и Сони была долгая дорога. Дорога, которая приведёт их к взрослым, к подписям, к борьбе. Дорога, на которой им придётся доказывать, что старый трамвай нужен городу. Что память нужна городу. Что прошлое — это не то, что нужно выбрасывать. Это то, что нужно беречь.

Но это будет потом. А пока они стояли у ворот депо и смотрели на пустые рельсы. И в их сердцах жила надежда. И любовь. И память.

Память о трамвае номер восемь. О трамвае, который всё помнит.

И который обязательно вернётся.

Артём не спал всю ночь. Он лежал в своей комнате, укрывшись одеялом до подбородка, и смотрел в потолок. На потолке были звёзды — светящиеся наклейки, которые он приклеил ещё в первом классе. Они тускло мерцали в темноте, и Артёму казалось, что это не звёзды, а далёкие огни города, которые видит трамвай, когда едет по ночным улицам. Он думал о том, как трамвай стоит сейчас на свалке. Один. Среди мусора. И никто не слышит его голос.

Артём ворочался с боку на бок. Он представлял, как ржавые краны поднимают трамвай и бросают его в кучу металлолома. Как его красные бока мнут и ломают. Как его деревянные сиденья трещат и разлетаются на щепки. Как его медные поручни, которые столько лет блестели на солнце, тускнеют и покрываются зелёной плесенью. От этих мыслей ему становилось страшно и горько. Он хотел вскочить, одеться и бежать на свалку прямо сейчас, но он не знал, где она находится. И он был ещё маленьким. И была ночь.

Утром он первым делом позвонил Соне. Телефон у неё был старый, с диском, который надо было крутить пальцем. Артём крутил диск и слушал длинные гудки. Наконец Соня ответила.

— Ты тоже не спала? — спросил он.

— Не спала, — призналась она. — Я всё думала о нём. Как он там?

— Я не знаю, — сказал Артём. — Но мы должны его найти. Сегодня же.

— А как мы его найдём? — спросила Соня. — Свалок много. И нас туда не пустят.

Артём задумался. Он вспомнил, что у него есть дядя Гриша, который работает на свалке. Дядя Гриша был большой, как медведь, с громким голосом и добрыми глазами. Он часто приходил в гости и приносил Артёму разные интересные вещи: старые монеты, сломанные часы, медные колокольчики. Артём любил дядю Гришу. И дядя Гриша любил Артёма.

— Я знаю, — сказал Артём. — У меня есть дядя. Он работает на свалке. Он нам поможет.

— Правда? — обрадовалась Соня.

— Правда. Давай встретимся через час у депо. И возьми с собой альбом. Ты можешь нарисовать трамвай, чтобы показать дяде, как он выглядит.

— Хорошо, — сказала Соня. — Я приду.

Через час они стояли у ворот депо. Утро было серым и прохладным. Над городом висел туман, и в этом тумане дома казались призрачными, как будто они тоже были памятью — чьей-то давней, полузабытой. Артём дрожал от холода и волнения. Соня прижимала к груди альбом с рисунком.

Они нашли дядю Гришу в маленькой будке возле ворот. Он пил чай из большой железной кружки и читал газету. Увидев Артёма, он улыбнулся во всю ширину своего широкого лица.

— Артёмка! — прогудел он. — Какими судьбами? Ты чего так рано?

— Дядя Гриша, — сказал Артём, — нам нужна твоя помощь. Очень нужна.

Дядя Гриша отставил кружку и посмотрел на него внимательно.

— Что случилось? — спросил он. — Ты весь бледный. И девочка с тобой. Что-то серьёзное?

— Очень серьёзное, — сказала Соня. — Вчера на свалку увезли трамвай. Номер восемь. Красный, старый. Мы должны его найти.

Дядя Гриша нахмурился.

— Восьмой? — переспросил он. — А, этот. Да, вчера привезли. Стоит у северного края, возле старых покрышек. А вам зачем?

Артём и Соня переглянулись. Они не знали, что сказать. Они не могли рассказать дяде Грише правду — что трамвай умеет разговаривать. Взрослые в такое не верят. Взрослые верят только в то, что можно потрогать руками и записать в документы.

— Мы... мы хотим его забрать, — сказал Артём. — Он нам нужен.

Дядя Гриша усмехнулся.

— Забрать? — переспросил он. — Трамвай? Артёмка, ты что, шутишь? Он же огромный. И тяжёлый. Его даже на грузовике не увезёшь. Его разбирать надо. И потом, он же списан. Его всё равно распилят на металл.

— Не распилят, — сказал Артём твёрдо. — Мы не дадим.

Дядя Гриша посмотрел на него. В его глазах было что-то — не то удивление, не то уважение. Он был большим и сильным, но он помнил, каково это — быть маленьким и хотеть защитить что-то важное.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пойдём. Я вас провожу. Только быстро. И ничего не трогайте. Там кругом железо, можно порезаться.

Он повёл их через ворота, мимо ржавых машин и груд битого кирпича, мимо гор мусора, которые возвышались, как серые холмы. Пахло сыростью, машинным маслом и чем-то горелым. Соня морщила нос, но не жаловалась. Она крепко держала альбом и смотрела вперёд.

Наконец они увидели его. Трамвай номер восемь стоял у самого края свалки, возле огромной кучи старых покрышек. Его красные бока были покрыты пылью и грязью. Одно окно было разбито, и в него задувал ветер. Двери были открыты, и одна из них висела на одной петле, как сломанная рука. Он выглядел старым и уставшим. Но он был жив. Артём это чувствовал. Он чувствовал, что трамвай смотрит на него. И ждёт.

— Вот он, — сказал дядя Гриша. — Стоит тут. Никому не нужный.

Артём подошёл ближе. Он положил руку на холодный, покрытый пылью бок. Под его ладонью металл был шершавым и чуть тёплым, как будто внутри ещё теплилась жизнь.

— Мы пришли, — прошептал Артём. — Мы тебя не бросим.

И тогда он услышал. Тихо, еле слышно, как шелест травы под колесами:

— Я знал. Я знал, что вы придёте.

Голос трамвая был слабым, но он был. Артём обернулся к Соне и кивнул. Соня поняла. Она подошла и тоже положила руку на бок трамвая.

— Мы тебя спасём, — сказала она. — Обещаем.

Дядя Гриша стоял поодаль и смотрел на них. Он не слышал голоса трамвая. Но он видел, как двое детей стоят возле старой ржавой машины и говорят с ней, как с живой. И что-то в его большом, сильном сердце дрогнуло.

— Ладно, — сказал он. — Что вы хотите сделать?

Артём обернулся.

— Мы хотим, чтобы его не разбирали, — сказал он. — Мы хотим сделать из него музей. Чтобы все могли приходить и смотреть. И слушать его истории.

Дядя Гриша почесал затылок.

— Музей? — переспросил он. — Из трамвая? Это... это интересно. Но для этого нужно разрешение. Нужно, чтобы городские власти согласились. А они не согласятся просто так. Им нужны бумаги. Подписи. Много подписей.

— Мы соберём подписи, — сказала Соня. — Сколько нужно.

Дядя Гриша вздохнул.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Может, тысячу. Может, больше. Это долго. И трудно. Вы уверены, что справитесь?

Артём посмотрел на трамвай. Трамвай смотрел на него. И в его старых, потускневших окнах Артём увидел отражение — своё и Сони. Двух детей, которые стояли среди мусора и держали за руки что-то большое и старое. Что-то, что помнило всех.

— Мы справимся, — сказал Артём. — Мы не одни. У нас есть он.

Дядя Гриша не понял, что значит «он». Но он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я вам помогу. Чем смогу. А пока идёте отсюда. Здесь нельзя долго находиться. Вечером приедут рабочие, будут разбирать соседний вагон. Может, и до этого доберутся.

Артём и Соня нехотя отошли от трамвая. У выхода со свалки Артём обернулся. Трамвай стоял и смотрел им вслед. И Артёму показалось, что он улыбается. Если бы трамвай умел улыбаться.

— Мы вернёмся, — крикнул Артём. — Обязательно вернёмся!

Ветер донёс до него тихий ответ:

— Я буду ждать.

По дороге домой Артём и Соня молчали. Они думали. Они думали о том, как собрать тысячу подписей. Это казалось невозможным. Но они помнили голос трамвая. И они знали, что не могут сдать.

— Знаешь, — сказала Соня, — я могу нарисовать плакат. Большой. С трамваем и надписью: «Спасём восьмой!». И мы повесим его на остановке.

— Хорошо, — сказал Артём. — А я напишу письмо в городскую газету. Чтобы все узнали.

— А кто подпишет? — спросила Соня. — Взрослые?

— Взрослые, — сказал Артём. — И дети. И старики. Все, кто когда-нибудь ездил на нём. Все, кто помнит.

Соня кивнула.

— У меня есть бабушка, — сказала она. — Она старенькая. Она ездила на восьмом, когда была молодой. Она мне рассказывала. Я попрошу её помочь.

— И у меня есть бабушка, — сказал Артём. — И дедушка. И дядя Гриша. И мама с папой. И соседи. Мы всех попросим.

Они остановились на перекрёстке. Надо было расходиться по домам. Но им не хотелось расставаться. Они чувствовали, что сегодня началось что-то важное. Что-то большее, чем они сами. Что-то, что будет длиться долго.

— Завтра после школы, — сказал Артём. — У меня.

— Хорошо, — сказала Соня. — Я принесу альбом и краски. Будем рисовать плакат.

— А я принесу бумагу и ручки. Будем писать письмо.

Они улыбнулись друг другу. И разошлись. Артём шёл домой и смотрел на рельсы, которые блестели на солнце. Он думал о трамвае. О том, как он стоит на свалке. Один. Но не забытый. Потому что память — это не просто прошлое. Это ещё и будущее. И они, Артём и Соня, были этим будущим.

Дома Артём достал лист бумаги и ручку. Он сел за стол и задумался. Он не знал, как начать. Он никогда раньше не писал писем в газету. Но он знал, что должен сказать. Он должен рассказать всем о трамвае. О том, что он помнит. О том, что он живой. О том, что его нельзя разбирать на металл.

Он начал писать. Слова приходили сами собой. Он писал о том, как впервые услышал голос трамвая. О том, как трамвай рассказал ему о войне, о детях, о старом часовщике. О том, как трамвай помнит всех. И о том, что если его не станет, всё это исчезнет. Навсегда.

Он писал долго. За окном стемнело. Мама позвала его ужинать, но он не пошёл. Он писал. И когда закончил, он перечитал написанное и понял, что это хорошо. Это правда. Это то, что нужно сказать.

Он подписал письмо: «Артём, ученик четвёртого класса. И трамвай номер восемь».

На следующий день они с Соней пошли в редакцию городской газеты. Это было старое здание с колоннами и большими окнами. Внутри пахло бумагой и кофе. За стойкой сидела женщина с очками на носу и строгим лицом.

— Вы к кому? — спросила она.

— Мы хотим опубликовать письмо, — сказал Артём. — О трамвае. О том, что его увезли на свалку.

Женщина посмотрела на него и на Соню. Потом взяла письмо и прочитала. Читала она долго. Потом подняла глаза.

— Это ты написал? — спросила она.

— Я, — сказал Артём. — И Соня. Она нарисовала рисунок. Вот.

Он протянул рисунок. На нём был изображён трамвай номер восемь — красный, с медными поручнями, с большими окнами. И вокруг него стояли люди. Много людей. Все они улыбались.

Женщина смотрела на рисунок. Потом на Артёма. Потом на Соню. И вдруг её строгое лицо смягчилось.

— Знаете, — сказала она, — я сама ездила на этом трамвае. Когда была маленькой. У меня была бабушка, которая жила на другой стороне города. И я ездила к ней на восьмом.

Каждую субботу. И знаете, что? Я помню, как пахло в этом трамвае. Пахло деревом и чем-то ещё. Чем-то тёплым. Я не знаю, чем. Но я помню.

Она помолчала.

— Хорошо, — сказала она. — Мы опубликуем ваше письмо. И рисунок тоже. В следующем номере.

Артём и Соня переглянулись и улыбнулись. Они вышли из редакции и побежали по улице, подпрыгивая и смеясь. Солнце светило ярко. Весна была в разгаре. И им казалось, что всё возможно.

А вечером они пошли к трамваю. Они принесли ему газету. Ещё не свежую, только что из типографии, с запахом краски. Они сели рядом с ним на старую крышку и прочитали ему письмо вслух.

Трамвай слушал. И когда Артём закончил, он сказал тихо:

— Спасибо. Вы не представляете, что это для меня значит.

— Мы ещё не спасли тебя, — сказал Артём. — Мы только начали.

— Вы уже спасли, — сказал трамвай. — Вы спасли мою память. А память — это самое важное. Пока есть память, есть надежда.

Он замолчал. Потом добавил:

— Знаете, я помню всех, кто когда-либо в меня садился. Но теперь я буду помнить и вас. Всегда. Вы — те, кто не бросил. Вы — те, кто вернулся. Спасибо.

Соня заплакала. Артём обнял её за плечи. Они сидели на свалке, среди мусора и ржавого железа, и держали за руки старый трамвай. И им было тепло. Потому что они были вместе. И потому что они знали: они не одни. У них есть память. И у них есть будущее.

А впереди у них было ещё много дней. Много подписей. Много встреч. Много разговоров. Много борьбы. Но они были готовы. Потому что они знали, за что борются. За трамвай номер восемь. За память. За то, чтобы прошлое не исчезло. За то, чтобы будущее помнило.

И где-то в глубине старого трамвая, в его деревянных сиденьях, в его медных поручнях, в его потускневших окнах, жила память. Память о тысячах людей. О тысячах историй. О тысячах дней. И эта память ждала. Ждала, когда её услышат. Ждала, когда её спасут.

И она дождалась. Потому что двое детей услышали. И не прошли мимо.

Глава 2. Подписи, истории и старое одеяло

Утро началось с дождя. Не с того весёлого весеннего дождя, который барабанит по крышам и пахнет свежестью, а с мелкого, нудного, серого дождя, который висит в воздухе, как мокрая марля, и от которого на душе становится тоскливо. Артём проснулся от того, что капли стучали в окно, и первая мысль, которая пришла ему в голову, была о трамвае. Как он там? Под дождём? На свалке? Один?

Он вскочил с кровати, натянул школьную форму — тёмно-синие брюки и белую рубашку, которая вечно вылезала из-за пояса, — и побежал на кухню. Мама уже готовила завтрак. На столе лежала газета. Свежая, ещё пахнущая типографской краской. Артём схватил её и развернул.

На третьей странице, в самом центре, был его рисунок. Трамвай номер восемь — красный, с большими окнами, с медными поручнями. Соня рисовала его три часа, и получилось очень похоже. Вокруг трамвая стояли люди — маленькие фигурки, которые улыбались и держались за руки. А под рисунком — письмо. Артёма. Слова, которые он написал ночью, казались ему теперь чужими и очень важными. Он перечитал их и почувствовал, как сердце забилося быстрее.

— Мама! — закричал он. — Напечатали! Смотри!

Мама подошла и посмотрела через его плечо. Она была уставшей — работала в больнице медсестрой и часто возвращалась домой поздно. Но сейчас её лицо осветилось улыбкой.

— Молодец, — сказала она. — Ты у меня настоящий борец. Только не забывай про школу, хорошо?

— Не забуду, — пообещал Артём. Но про себя он знал, что сегодня школа будет не главным. Главным будет трамвай.

В школе всё пошло не так, как он ожидал. Он думал, что одноклассники будут смеяться над ним — как всегда смеялись, когда он говорил что-то необычное. Но когда он вошёл в класс, первым к нему подбежал Витя Круглов, самый высокий мальчик в классе, который обычно не замечал Артёма.

— Это ты написал? — спросил Витя, тыча пальцем в газету, которую держал в руках. — Про трамвай?

— Я, — сказал Артём, готовясь к насмешке.

— Круто, — сказал Витя. — Я тоже на нём ездил. С бабушкой. Он такой... настоящий. Я не знал, что его на свалку увезли. Это неправильно.

Артём удивлённо посмотрел на него.

— Ты тоже хочешь его спасти? — спросил он.

— Ага, — сказал Витя. — А что надо делать?

— Подписи собирать, — сказала Соня, которая подошла сзади. Она держала альбом, в котором было ещё несколько рисунков трамвая. — Мы будем ходить по улицам и просить людей подписать. Чтобы городские власти не разбирали трамвай. Чтобы сделали из него музей.

— Музей? — переспросил Витя. — Из трамвая? Это как?

— Ну, — сказала Соня, — он будет стоять в парке. Или на старой площади. И все смогут приходить и смотреть. И слушать его истории.

— Какие истории? — не понял Витя.

Артём и Соня переглянулись. Они не могли рассказать правду. Но они могли рассказать почти правду.

— Он помнит всех, кто в нём ездил, — сказал Артём. — Всю историю города. Войну. Победу. Первые трамваи. Всё. Если его разберут, всё это исчезнет.

Витя задумался. Он был неглупым мальчиком, хотя и любил подраться. Он представил, как старый трамвай стоит в парке, и люди приходят и смотрят на него. И им становится тепло. Как от старой фотографии.

— Я с вами, — сказал он. — У меня есть старший брат. Он может помочь. Он сильный.

— Спасибо, — сказала Соня. — Нам нужны сильные.

К концу уроков к ним присоединились ещё пятеро. Лена Смирнова, которая рисовала не хуже Сони и могла делать плакаты. Два брата, Толя и Коля, которые всегда ходили вместе и говорили хором. И тихая девочка Маша, которая почти ни с кем не разговаривала, но у которой был самый красивый почерк в классе. Она сказала, что будет писать подписи на листах, чтобы они выглядели красиво и официально.

После уроков они собрались в школьном дворе, под навесом, потому что дождь так и не закончился. Артём развернул большой лист бумаги, который взял у папы.

— Вот, — сказал он. — Здесь мы будем записывать подписи. Первый лист. Мы должны собрать тысячу. Может, больше. Чем больше, тем лучше.

— Тысячу? — ахнула Лена. — Это же очень много.

— Знаю, — сказал Артём. — Но мы справимся. Мы будем ходить по домам, по рынку, по остановкам. Везде, где есть люди. И просить. Объяснять. Рассказывать про трамвай.

— А если они не захотят? — спросила Маша тихо.

— Тогда мы расскажем им истории, — сказала Соня. — Истории трамвая. Мы их знаем. Мы можем их рассказать. И люди поймут.

Они разделились на пары. Артём пошёл с Витей. Соня с Леной. Толя и Коля вместе. Маша одна, потому что она сказала, что так ей будет спокойнее. И они разошлись по улицам, под дождём, с листами бумаги и ручками.

Первые несколько домов были трудными. Артём и Витя стучали в двери, и люди открывали, слушали и качали головами.

— Трамвай? — говорили они. — Какой трамвай? Восьмой? А, этот старый? Да, я на нём ездил. Но его же всё равно разберут. Зачем подписывать?

— Затем, что он помнит, — говорил Артём. — Он помнит всё. Если его не станет, мы забудем.

— Мы и так забудем, — сказал один мужчина в очках. — Всё забывается. Такова жизнь. Артём хотел возразить, но Витя дёрнул его за рукав.

— Пойдём, — сказал он. — Не все сразу. Надо искать тех, кто помнит.

И они пошли дальше. Они прошли мимо булочной, где пахло свежим хлебом, мимо парикмахерской, где на окне висела вывеска с ножницами, мимо аптеки, где в витрине стояли большие стеклянные банки с разноцветными пилюлями. Они стучали в двери, звонили в звонки, заглядывали в окна. И постепенно у них начали появляться первые подписи.

Первой подписала старая женщина, которая жила в доме с зелёным балконом. Она открыла дверь и долго смотрела на них, близоруко щурясь.

— Что вам, детки? — спросила она.

— Мы собираем подписи, — сказал Артём. — Чтобы спасти трамвай номер восемь. Его увезли на свалку. Мы хотим сделать из него музей.

Женщина ахнула и всплеснула руками.

— Восьмой? — воскликнула она. — Господи, я же на нём всю жизнь ездила! Я на нём в роддом ехала, когда дочку рожать. И потом с дочкой ездила. И с внучкой. А теперь его на свалку?

— Да, — сказала Соня, которая подошла с Леной. — Мы хотим его спасти. Вот лист. Подпишите, пожалуйста.

Женщина взяла ручку и подписала. Её подпись была дрожащей, но разборчивой. И она поставила рядом маленький крестик.

— Это чтобы Бог видел, — объяснила она. — Чтобы помог вам.

Они поблагодарили её и пошли дальше. И после этого дело пошло быстрее. Люди начали вспоминать. Они вспоминали, как ездили на восьмом в детский сад, в школу, на работу. Как встречали на нём рассветы и провожали закаты. Как целовались в последнем ряду, когда были молодыми. Как везли домой ёлку на Новый год. Как плакали, когда уезжали из города, и трамвай вёз их на вокзал. Как возвращались и снова садились в него, и он вёз их домой.

К вечеру у них было двадцать три подписи. Мало. Но это было начало.

Они собрались в школьном дворе, усталые, мокрые, но счастливые. Маша разложила листы на скамейке и пересчитала.

— Двадцать три, — сказала она. — Это хорошее число.

— Нам нужно ещё девятьсот семьдесят семь, — сказал Толя.

— Или больше, — добавил Коля.

— Мы справимся, — сказал Артём. — Завтра будет больше.

Они разошлись по домам. Артём шёл медленно, потому что ноги устали. Но он не чувствовал усталости. Он чувствовал что-то другое. Что-то большое и тёплое, что росло у него внутри. Он чувствовал, что делает важное дело. Может быть, самое важное в своей жизни.

Дома он поужинал, сделал уроки — математика оказалась не такой страшной, как он думал, — и лёг спать. Но перед сном он выглянул в окно. Дождь кончился. Небо было чистым, и на нём сияли звёзды. Артём смотрел на них и думал о трамвае. Он представлял, как трамвай стоит на свалке и смотрит на эти же звёзды. И ему казалось, что они с трамваем смотрят на одно и то же небо. И это их связывает. Навсегда.

На следующий день они снова пошли собирать подписи. И на следующий. И ещё через день. Каждый день после школы они ходили по улицам, стучали в двери, говорили с людьми. Иногда им отказывали. Иногда на них кричали. Один раз их прогнал дворник, который сказал, что они мешают ему подметать. Но чаще люди слушали. И подписывали.

К концу недели у них было сто пятьдесят подписей. К концу второй недели — триста. К концу третьей — пятьсот. Они уже не ходили по двое. Они ходили группами. К ним присоединялись новые ребята из школы и из соседних дворов. Приходили даже взрослые — молодые мамы с колясками, студенты, рабочие. Все они помнили трамвай. И все хотели его спасти.

Однажды к ним подошёл старик. Он был очень старый, с белой бородой и палочкой. Он стоял и слушал, как Артём рассказывает про трамвай, а потом подошёл и сказал:

— Я помню этот трамвай. Я на нём воевал. Не в прямом смысле, конечно. Я ездил на нём на фронт. В сорок первом. Нас везли на вокзал, а потом на поезде — дальше. И я помню, как трамвай ехал медленно, как будто не хотел нас отдавать. Как будто прощался. Я тогда подумал: «Вот вернусь с войны, и он меня встретит». И знаете что? Он встретил. Я вернулся в сорок пятом. И первое, что я увидел на вокзале, — это был трамвай номер восемь. Он стоял и ждал. И я сел в него. И он повёз меня домой. Я плакал. А он ехал тихо-тихо, как будто боялся меня потревожить.

Старик замолчал. По его щекам текли слёзы. Артём и Соня стояли и не знали, что сказать. Потом Артём протянул ему лист и ручку.

— Подпишите, пожалуйста, — сказал он тихо.

Старик подписал. Дрожащей рукой. И поставил рядом крестик. Как та женщина с зелёного балкона.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что вы это делаете. Если бы меня не было, кто бы помнил?

— Мы помним, — сказала Соня. — И трамвай помнит. Он всех помнит.

Старик посмотрел на неё внимательно. Потом улыбнулся.

— Знаешь, девочка, — сказал он, — иногда мне кажется, что старые вещи помнят больше, чем люди. Люди забывают. А вещи — нет. Они всё хранят. Всё.

Он ушёл, опираясь на палочку. А Артём и Соня смотрели ему вслед. И думали о том, что трамвай действительно помнит. Помнит всех. И старика, который ехал на фронт. И женщину, которая ехала в роддом. И мальчика, который забыл портфель. И девочку, которая плакала, а потом перестала. Он помнил всех. И он ждал. Ждал, когда его спасут.

Вечером они пошли к трамваю. Они приносили ему газеты, рисунки, подписи. Они рассказывали ему о том, как идут дела. И трамвай слушал. И его голос становился всё теплее и теплее.

— Вы знаете, — сказал он однажды, — я помню всех, кто в меня садился. Но я не помню, чтобы кто-то боролся за меня. Вы первые. И это... это очень важно. Это значит, что я не зря существовал. Не зря вёз всех этих людей. Не зря помнил.

— Ты не зря, — сказал Артём. — Ты нужен. Ты очень нужен.

— Спасибо, — сказал трамвай. — Спасибо, Артём. Спасибо, Соня. Спасибо всем, кто с вами. Я этого не забуду. Никогда.

И он замолчал. А они сидели рядом с ним на старых крышах, под звёздным небом, и держали его за руки. И им было тепло. Им было хорошо. Потому что они были вместе. И потому что они знали: они не одни. У них есть память. И у них есть будущее. И у них есть трамвай номер восемь. Который всё помнит. И который обязательно вернётся домой.

На следующей неделе произошло чудо. В городской газете вышла ещё одна статья. На этот раз её написала та самая женщина с очками, которая приняла у них письмо. Она рассказала о том, как двое детей собирают подписи, чтобы спасти старый трамвай. Она рассказала о старике, который ехал на фронт. О женщине, которая ехала в роддом. О мальчике, который забыл портфель. Она рассказала о памяти. О том, что память — это самое важное, что у нас есть. И о том, что старый трамвай — это не просто железо. Это душа города.

Статья вызвала бурю. Люди начали звонить в редакцию. Они спрашивали, как помочь. Они хотели подписать. Они хотели спасти трамвай. И на следующий день к Артёму и Соне пришли незнакомые люди — взрослые, серьёзные, с портфелями и папками. Они сказали, что работают в городском совете. И что они хотят помочь.

— Мы прочитали статью, — сказал один из них, мужчина в сером костюме. — И мы решили, что это важно. Мы хотим создать комиссию. Чтобы решить, что делать с трамваем. Мы приглашаем вас на заседание. Вы расскажете о своём проекте. И мы решим.

Артём и Соня переглянулись. Они не верили своим ушам. Взрослые слушали их. Взрослые хотели помочь. Это было чудо. Настоящее чудо.

— Мы придём, — сказал Артём. — Обязательно придём.

И они пошли домой, чтобы подготовиться. Они готовились всю ночь. Соня рисовала плакаты. Артём писал речь. Маша переписывала подписи на красивый лист. Толя и Коля репетировали, как они будут рассказывать о трамвае. Лена готовила альбом с рисунками. Витя тренировал своего старшего брата, чтобы тот выглядел солидно.

А трамвай стоял на свалке и ждал. Он знал, что они придут. Он знал, что они борются. Он знал, что они не сдадутся. И он верил. Верил в них. Верил в память. Верил в будущее.

И он был прав. Потому что память — это не просто прошлое. Это ещё и будущее. И оно было за них.

Ночь перед заседанием тянулась медленно, как густой сироп. Артём лежал в кровати, но сон не шёл. Он ворочался, взбивал подушку, считал звёзды на потолке — ничего не помогало. В голове крутились слова, фразы, целые абзацы его будущей речи. Он повторял их шёпотом, чтобы не разбудить родителей, и они казались ему то гениальными, то глупыми, то слишком взрослыми, то слишком детскими.

За стеной тикали часы. Старые, с маятником, которые достались папе от бабушки. Артём слушал их тиканье и думал о времени. О том, что время — это река. Оно течёт и течёт, и его нельзя остановить. Но память — это камень на берегу. Она остаётся. И трамвай номер восемь

был таким камнем. Большим, тёплым, надёжным. И если его не станет, река времени унесёт с собой ещё одну часть берега. И берег станет меньше. И город станет беднее.

Утром Артём встал раньше всех. Он надел свою лучшую рубашку — белую, с пуговицами, которые блестели, как маленькие солнца. Причесал рыжие волосы, которые всё равно торчали в разные стороны, как будто жили своей жизнью. Посмотрел на себя в зеркало и сказал:

— Ты справишься. Ты должен.

Мама выглянула из кухни и улыбнулась.

— Какой ты сегодня нарядный, — сказала она. — Важный день?

— Очень важный, — сказал Артём. — Самый важный.

— Тогда иди сюда. Я дам тебе с собой бутерброд. И яблоко. Чтобы ты не голодал.

Артём взял бутерброд, но есть не стал. Он положил его в карман и побежал на улицу. Дождь кончился, и небо было чистым, как будто его вымыли. Солнце светило ярко, и лужи на асфальте блестели, как зеркала. Артём шёл и смотрел на эти лужи. В них отражались дома, деревья, облака. И ему казалось, что весь мир смотрит на него. И ждёт.

У здания городского совета уже собрались его друзья. Соня держала большой плакат, который она нарисовала ночью. На плакате был изображён трамвай номер восемь — красный, с большими окнами, с медными поручнями. А над ним — слова, написанные крупными буквами: «Спасём память города!». Лена принесла альбом с рисунками. Маша — папку с подписями, переписанными начисто. Толя и Коля стояли рядом, одинаковые, как две капли воды, и держали ещё один плакат. Витя привёл своего старшего брата — высокого парня с широкими плечами, который выглядел очень серьёзным. И ещё пришли ребята из соседних классов, и девочка из шестого, и мальчик из восьмого, который сказал, что хочет стать историком.

— Все готовы? — спросил Артём.

— Готовы, — ответили они хором.

И они вошли в здание.

Внутри было прохладно и пахло бумагой и чернилами. На стенах висели портреты людей с серьёзными лицами. Пол был гладкий, как стекло, и шаги гулко отдавались в тишине. Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж и остановились перед большой дверью с табличкой: «Зал заседаний».

Артём глубоко вздохнул и толкнул дверь.

Зал был большой. За длинным столом, покрытым зелёным сукном, сидели взрослые. Их было много. Мужчины в костюмах, женщины в строгих платьях. Они смотрели на вошедших детей с удивлением и любопытством. В центре сидел человек с седыми волосами и добрыми глазами. Он был похож на старого учителя. Это был председатель комиссии, которого все называли Михаил Петрович.

— Здравствуйте, — сказал Артём. Голос его дрогнул, но он справился. — Мы пришли рассказать о трамвае номер восемь.

Михаил Петрович кивнул.

— Мы слушаем, — сказал он. — Рассказывайте.

И Артём начал. Он говорил о том, как впервые услышал голос трамвая. О том, как трамвай рассказал ему о войне, о детях, о старом часовщике. О том, как трамвай помнит всех — каждого, кто когда-либо в него садился. Он говорил о старике, который ехал на фронт и вернулся. О женщине, которая ехала в роддом. О мальчике, который забыл портфель. О девочке, которая плакала, а потом перестала. Он говорил о памяти. О том, что память — это самое важное, что у нас есть. И о том, что если трамвай разберут на металл, всё это исчезнет. Навсегда.

Взрослые слушали. Некоторые хмурились. Некоторые улыбались. Одна женщина в очках даже вытерла глаза платком. Когда Артём закончил, в зале стало тихо. Потом Михаил Петрович сказал:

— Это очень трогательно. Но у нас есть план развития города. И в этом плане нет места старому трамваю. На его месте будет новая линия. Современная. Быстрая. Удобная.

Артём почувствовал, как внутри всё сжалось. Но он не сдался.

— А память? — спросил он. — Что будет с памятью?

— Память, — сказал Михаил Петрович, — это хорошо. Но город должен развиваться. Мы не можем стоять на месте.

Тогда вперёд вышла Соня. Она держала свой плакат и смотрела на взрослых большими серыми глазами.

— Мы не предлагаем стоять на месте, — сказала она. — Мы предлагаем помнить. Это разные вещи. Трамвай может стоять в парке. Или на старой площади. Он не будет мешать новой линии. Он будет рядом. Как память. Как фотография на стене. Как старая книга на полке. Он будет напоминать людям о том, что было. И люди будут становиться добрее. Потому что тот, кто помнит, — добрее.

В зале снова стало тихо. Взрослые переглядывались. Потом заговорил мужчина в сером костюме, который приходил к ним в школу.

— У нас есть подписи, — сказал он. — Много подписей. Больше тысячи. Люди хотят сохранить трамвай. И я думаю, что мы должны прислушаться.

Он положил на стол папку. Толстую, с загнутыми уголками. И взрослые начали её листать. Они смотрели на подписи, на рисунки, на письма. И их лица менялись. Они становились мягче. Добрее. Как будто что-то в них оттаивало.

Потом встал старик с белой бородой. Тот самый, который ехал на фронт. Он пришёл на заседание, опираясь на палочку, и теперь стоял и смотрел на взрослых.

— Я помню этот трамвай, — сказал он тихо. — Я на нём воевал. Я на нём вернулся. Я на нём ездил к жене. И к детям. И к внукам. Если вы его разберёте, вы разберёте мою жизнь. И жизнь многих других. Вы хотите этого?

Взрослые молчали. Потом Михаил Петрович вздохнул и сказал:

— Хорошо. Мы создадим рабочую группу. Мы рассмотрим этот вопрос. Но обещать ничего не можем. Это сложный процесс. Нужны документы. Расчёты. Согласования.

— Мы понимаем, — сказал Артём. — Мы готовы ждать. Но, пожалуйста, не разбирайте его. Пока мы ждём. Пусть он стоит. Пусть живёт.

Михаил Петрович посмотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Мы приостановим утилизацию. На время. Но это не окончательное решение. Это... отсрочка.

Артём и Соня переглянулись. Это была победа. Маленькая, но победа.

— Спасибо, — сказал Артём. — Спасибо вам.

Они вышли из зала, и на улице солнце светило так ярко, что пришлось зажмуриться. Ребята прыгали, смеялись, обнимались. Витя подбросил свою шапку в воздух, и она полетела высоко-высоко, как птица. Лена плакала от счастья. Маша улыбалась — впервые за всё время, что Артём её знал. Толя и Коля кричали «ура» хором. А Соня просто стояла и смотрела на небо. И в её глазах отражались облака.

— Мы сделали это, — сказала она. — Мы сделали первый шаг.

— Да, — сказал Артём. — Теперь надо сделать второй. И третий. И ещё много шагов. Но мы справимся.

Они пошли к трамваю. Все вместе. Большой шумной компанией. Они несли плакаты, рисунки, подписи. Они шли по улицам, и люди смотрели на них и улыбались. Кто-то махал рукой. Кто-то кричал: «Молодцы, ребята!». И Артём чувствовал, что они не одни. Что весь город с ними. Что память — это не только прошлое. Это ещё и настоящее. И будущее.

Трамвай ждал их на свалке. Он стоял всё там же, возле старых покрышек. Но теперь вокруг него было чище. Дядя Гриша расчистил место и принёс старую скамейку. На скамейке лежало одеяло. Большое, тёплое, в клетку.

— Это от бабушки, — сказала Соня. — Чтобы он не замёрз.

Артём подошёл к трамваю и положил руку на его бок.

— Мы сделали это, — сказал он. — Тебя пока не разберут. Мы добились отсрочки.

Трамвай молчал. Потом его голос — тихий, но отчётливый — раздался в вечернем воздухе:

— Я знал. Я знал, что вы справитесь.

— Мы ещё не справились, — сказал Артём. — Это только начало.

— Начало — это самое важное, — сказал трамвай. — Спасибо вам. Всем вам. Я буду помнить этот день. Всегда.

Соня расстелила одеяло на земле, и они сели вокруг трамвая. Они ели бутерброды, которые дали им мамы. Пили чай из термоса, который принёс Витя. Смеялись. Рассказывали друг другу истории. И трамвай слушал. И его старые окна блестели в лучах заходящего солнца. И ему казалось, что он снова молодой. Что он снова едет по городу. И везёт всех этих детей. Домой.

Потом они спели песню. Ту самую, которую пели в трамвае, когда ехали на экскурсию. Про голубой вагон. Про то, что он бежит, качается. И трамвай подпевал. Тихо, еле слышно. Но дети слышали. И им было хорошо.

А когда стемнело, они пошли домой. Артём шёл последним. Он обернулся и посмотрел на трамвай. Тот стоял, укрытый старым одеялом, и смотрел ему вслед.

— Спокойной ночи, — сказал Артём.

— Спокойной ночи, — ответил трамвай. — Приходи завтра. Я расскажу тебе новую историю. Про то, как в этом городе появился первый трамвай. Ты знаешь, что он был не красный? Он был синий. Как небо. И люди плакали, когда его видели. От счастья.

— Приду, — сказал Артём. — Обязательно приду.

Он побежал домой. Ноги устали, но сердце было лёгким. Он думал о том, что сегодня они сделали невозможное. Они заставили взрослых слушать. Они заставили их поверить. И теперь у трамвая был шанс. Маленький, но шанс.

Дома он лёг спать и сразу заснул. И ему снился трамвай. Не старый и ржавый, а новый, блестящий, красный. Он ехал по городу, и в нём сидели люди. Много людей. И все они улыбались. А трамвай пел. Ту самую песню. Про голубой вагон. И его голос был громким и счастливым.

Утром Артём проснулся с улыбкой. Он знал, что сегодня будет новый день. И новые шаги. И новые истории. Он встал, оделся, позавтракал и побежал на улицу. Солнце светило. Птицы пели. А где-то на свалке, укрытый старым одеялом, стоял трамвай номер восемь. И он помнил. Всё помнил. И ждал. Ждал, когда его снова повезут по городу. Ждал, когда он снова сможет рассказать свои истории. Ждал будущего. Которое обязательно наступит. Потому что память — это не просто прошлое. Это ещё и будущее. И оно было за них.

А впереди их ждало ещё много дел. Нужно было найти место для музея. Нужно было договориться с городскими властями. Нужно было собрать ещё больше подписей. Нужно было написать ещё больше писем. Но они не боялись. Они знали, что справятся. Потому что они были вместе. И потому что у них был трамвай. Трамвай номер восемь. Который всё помнит.

Глава 3. Дом для трамвая

Прошло две недели. Две долгих, наполненных событиями недели, которые изменили всё. Артём и Соня уже не просто собирали подписи — они собирали людей. Вокруг них образовался настоящий штаб, который разместился в школьной библиотеке. Библиотекарша, строгая женщина с очками на цепочке, сначала ворчала, что дети мешают тишине, но потом сама начала помогать. Она принесла старые книги о городе, и в одной из них нашлась фотография трамвая номер восемь. Совсем молодого, только что с завода. На фотографии он стоял на площади, и вокруг него толпились люди в шляпах и длинных пальто. Это было сто лет назад.

— Смотрите, — сказала библиотекарша, тыча пальцем в пожелтевший снимок. — Он был синий. Вы знали?

— Знал, — сказал Артём. — Трамвай рассказывал.

Библиотекарша посмотрела на него поверх очков, но ничего не сказала. Она уже привыкла к тому, что эти дети говорили странные вещи.

Каждый день после школы они приходили в библиотеку и работали. Маша переписывала подписи в красивую тетрадь. Лена рисовала новые плакаты. Толя и Коля составляли список людей, которые хотели помочь. Витя приносил новости из городского совета — его старший брат работал там курьером и иногда подслушивал разговоры взрослых. Соня вела дневник, в котором записывала все истории, которые рассказывал трамвай. А Артём писал письма. В газеты. В музеи. В школы. Он писал всем, кто мог помочь.

Но главное было впереди. Им нужно было найти дом для трамвая. Место, где он мог бы стоять. Где люди могли бы приходиться и смотреть. Где память могла бы жить.

Однажды вечером, когда они сидели у трамвая на свалке, Артём спросил:

— А где бы ты хотел стоять?

Трамвай молчал долго. Ветер шевелил старое одеяло, которое Соня приносила каждый день. Одеяло было в клетку — красную и чёрную. Оно было тёплое и пахло домом.

— Я хочу стоять там, где я родился, — сказал наконец трамвай. — На старой площади. Там, где меня впервые поставили на рельсы. Там, где люди впервые сели в меня. Там, где началась моя жизнь.

— А где это? — спросила Соня.

— В центре города, — сказал трамвай. — Недалеко от реки. Там сейчас рынок. Большой, шумный. Но раньше там была площадь. И на ней стояли трамваи. Много трамваев. И я был среди них. Молодой. Синий. Счастливый.

Артём задумался. Он знал это место. Там действительно был рынок. Огромный, с рядами палаток, с горами яблок и картошки, с криками торговки и запахом рыбы. Но под рынком, если копнуть глубже, была площадь. Старая, каменная, с брусчаткой, которую помнили ещё лошадиные копыта.

— А если мы попросим? — спросил Артём. — У городского совета? Чтобы они отдали нам часть площади?

— Тогда трамвай вернётся домой, — сказала Соня. — Это было бы правильно.

Они решили попробовать. На следующий день они пошли в городской совет. На этот раз их пустили сразу — их уже знали. Михаил Петрович сидел в своём кабинете и пил чай. Увидев детей, он улыбнулся.

— Опять вы, — сказал он. — Что на этот раз?

— Мы хотим, чтобы трамвай стоял на старой площади, — сказал Артём. — Там, где он родился. Там сейчас рынок. Но рынок можно перенести. Или сдвинуть. А трамвай должен вернуться домой.

Михаил Петрович отставил чашку и посмотрел на них внимательно.

— Вы понимаете, что просите? — спросил он. — Рынок — это место, где люди зарабатывают. Там работают сотни человек. Вы хотите их всех подвинуть?

— Нет, — сказала Соня. — Мы не хотим никого двигать. Мы хотим, чтобы трамвай стоял рядом. На краю площади. Там есть место. Мы измеряли.

Она достала из рюкзака лист бумаги, на котором был начерчен план площади. Она рисовала его три дня, ходила с рулеткой, измеряла шагами, записывала. На плане было видно, что на восточном краю площади, у старого фонтана, который давно не работал, есть свободное пространство. Достаточно большое, чтобы поставить трамвай.

Михаил Петрович взял план и долго его рассматривал. Потом он посмотрел на детей. Потом снова на план.

— А вы серьёзно, — сказал он. — Вы действительно серьёзно.

— Очень, — сказал Артём. — Мы всё продумали. Мы даже знаем, кто может сделать музей. У Сони есть дядя, он архитектор. Он согласился помочь. Он сделает проект. Чтобы трамвай стоял красиво. Чтобы людям было удобно. Чтобы всё было по-настоящему.

Михаил Петрович вздохнул. Он был взрослым человеком, который привык к бумагам и отчётам. Но где-то в глубине его души жил мальчик, который когда-то тоже ездил на трамвае. И этот мальчик сейчас смотрел на Артёма и Соню и кивал.

— Хорошо, — сказал Михаил Петрович. — Я вынесу это на комиссию. Но учтите: это будет трудно. Будут споры. Будут возражения. Кто-то будет против.

— Мы готовы, — сказал Артём. — Мы не боимся.

— Тогда идите, — сказал Михаил Петрович. — И принесите мне проект. От архитектора. Официальный. С печатью. Тогда мы будем говорить серьёзно.

Они выбежали из кабинета, и на улице солнце снова показалось им ярче, чем обычно. Они сделали ещё один шаг. Маленький, но шаг.

Дядя Сони, архитектор, жил в старом доме с башенкой. Он был высокий, худой, с длинными пальцами и рассеянным взглядом. Он всегда что-то чертил в блокноте, даже когда разговаривал. Когда Соня привела к нему Артёма и рассказала про трамвай, он сначала не понял.

— Музей? — переспросил он. — Из трамвая? Это... необычно.

— Дядя Федя, — сказала Соня, — это важно. Очень важно. Трамвай помнит всех. Если его не станет, мы забудем.

Дядя Федя посмотрел на неё. Он любил Соню. Она была его любимой племянницей. И он знал, что она никогда не говорит пустых слов.

— Хорошо, — сказал он. — Покажите мне это место. И покажите мне трамвай.

Они пошли на свалку. Дядя Федя долго ходил вокруг трамвая, трогал его бока, заглядывал в окна, стучал по колёсам. Он что-то бормотал себе под нос и делал пометки в блокноте.

— Он ещё крепкий, — сказал он наконец. — Металл хороший. Дерево сухое. Его можно восстановить. Осторожно, аккуратно. Он будет стоять ещё сто лет.

— Правда? — обрадовался Артём.

— Правда, — сказал дядя Федя. — Но нужен проект. Нужна площадка. Нужны деньги. И нужно разрешение.

— Разрешение мы получим, — сказала Соня. — Михаил Петрович обещал.

— Тогда я сделаю проект, — сказал дядя Федя. — Но вы должны мне помочь. Вы должны рассказать мне всё, что знаете об этом трамвае. Всё, что он помнит. Чтобы я мог сделать музей, который будет не просто зданием. А памятью.

И они начали рассказывать. Они рассказывали ему истории трамвая. Про войну и мир. Про любовь и разлуку. Про смех и слёзы. Про людей, которые садились в него и ехали. Куда-то. К кому-то. От кого-то. Дядя Федя слушал и записывал. И его глаза становились всё мягче и теплее.

Через неделю проект был готов. На большом листе ватмана был начерчен план. Трамвай стоял на площади, у старого фонтана. Вокруг него были клумбы с цветами. Рядом — маленькая касса, где можно было купить билет. И скамейки, где можно было сидеть и слушать. А внутри трамвая — музей. С фотографиями, с письмами, с вещами, которые помнили время.

— Здесь будет вход, — объяснял дядя Федя, водя карандашом по чертежу. — А здесь — выход. Здесь — экспозиция. А здесь — маленький зал, где можно будет слушать истории. Записанные. И живые.

— Живые? — переспросил Артём.

— Ну, — сказал дядя Федя, — может быть, кто-то захочет рассказать. Старики. Они помнят. Они придут и расскажут. А дети будут слушать. И запоминать.

Артём и Соня переглянулись. Они знали, что трамвай сам может рассказывать. Но они не могли сказать это дяде Феде. Взрослые не верят в такие вещи. Но им и не нужно было верить. Им нужно было просто сделать музей. А трамвай сам позаботится о том, чтобы его истории не исчезли.

Они отнесли проект в городской совет. Михаил Петрович долго его рассматривал. Потом позвал ещё несколько человек. Они смотрели, спорили, чертили что-то на своих бумагах. Артём и Соня сидели в коридоре и ждали. Ждали долго. Часы на стене тикали медленно, как будто издевались.

Наконец дверь открылась, и вышел Михаил Петрович.

— Хорошо, — сказал он. — Мы согласны. Но с условиями.

— Какими? — спросил Артём, затаив дыхание.

— Первое: вы должны собрать ещё больше подписей. Не тысячу, а пять тысяч. Чтобы весь город знал. Чтобы никто не мог сказать, что это частная затея.

— Хорошо, — сказал Артём. — Соберём.

— Второе: вы должны найти деньги. На восстановление трамвая. На строительство музея. На всё. Город не может дать денег. У нас нет. Но мы можем разрешить вам собирать.

— Мы найдём, — сказала Соня. — Мы что-нибудь придумаем.

— Третье: вы должны найти место, куда перенести рынок. Хотя бы часть. Потому что площадь не может быть занята и рынком, и музеем одновременно.

Артём задумался. Это было трудно. Но он вспомнил о трамвае. О его голосе. О его историях. И он понял, что справится.

— Мы найдём, — сказал он. — Мы всё найдём.

Михаил Петрович посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся.

— Знаете, — сказал он, — я работаю здесь тридцать лет. И за это время я видел много людей. Но таких, как вы, — никогда. Вы не сдаётесь. И это... это хорошо. Это правильно.

Он протянул им бумагу с печатью.

— Вот разрешение. На разработку проекта. На сбор средств. На всё. Но помните: это только начало. Дальше будет труднее.

— Мы знаем, — сказал Артём. — Но мы справимся.

Они вышли на улицу. Солнце садилось, и небо было розовым, как будто кто-то разлил варенье. Артём держал в руках бумагу с печатью. Она была тёплой. Или ему так казалось.

— Мы сделали это, — сказала Соня. — Мы получили разрешение.

— Да, — сказал Артём. — Но теперь надо найти деньги. И место для рынка. И пять тысяч подписей. Это очень много.

— Мы справимся, — сказала Соня. — У нас есть друзья. У нас есть город. У нас есть трамвай.

Они пошли к трамваю. Дорога была долгой, но они не чувствовали усталости. Они несли ему новость. И когда они пришли, трамвай уже ждал их. Он всегда ждал.

— Мы получили разрешение, — сказал Артём, положив руку на его холодный бок. — Ты вернёшься домой. На старую площадь. Там, где ты родился.

Трамвай молчал. Потом его голос — тихий, но отчётливый — раздался в вечернем воздухе:

— Я знал. Я знал, что вы справитесь.

— Нам нужно ещё много сделать, — сказала Соня. — Собрать деньги. Найти место для рынка. Собрать подписи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.